

Мунхбаяр Б.Ч. Типы и классификация тюркских поминальников на территории Ховдского аймака // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история): мат. VII междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию лаборатории исторического краеведения, 25–26 ноября 2010 г. Барнаул, 2011. Вып. 7.

Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Б.Ч. Средневековая тюркская скульптура из местечка Хагуу-Хутыл в Западной Монголии. Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: мат. XV междунар. Западно-Сибирской арх.-этнограф. конф. Томск, 2010.

Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Б.Ч. Тюркские изваяния горы Торх-Улан // ЭШБ. Улаанбаатар, 2011. Т. V, f. 16.

Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Б.Ч., Ожередова А.Ю. Тюркское изваяние в долине Цаган Бургас // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2008. №7.

Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Б.Ч., Ожередова А.Ю. Тюркские изваяния в местечке Ацын Ар и «Вал Чингисхана» // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях: сб. науч. тр. Посвящается 125-летию со дня рождения известного российского ученого Сергея Ивановича Руденко. Барнаул, 2009.

Сэр-Оджав Н. Эртний түрэгүүд. Улаанбаатар, 1970.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Эрдэнэбаатар Д., Нямдорж Б., Нямсүрэн Л., Мунхбаяр Ч. Ховд аймгийн нутгаас шинээр илэрсэн хүн чулуун хошөө // ХИС-ийн НХУС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг. Улаанбаатар, 2008. №13.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Эрдэнэбаатар Д., Мунхбаяр Ч. Буянт голын сав дахь түрэгийн тахилгын байгууламжийн малтлага судалгаа. Түүхийн товчоон (ХИС-ийн НХУС-ийн Түүхийн тэнхимийн эрдэм шинжилгээний бичиг). Улаанбаатар, 2010. Т. V, f. 9.

Торбат Ц., Баяр Д., Цэвээндорж Д., Баттулга Ц., Баярхүү Н., Идэрхангай Т., Жискара П.Х. Монгол Алтайн археологийн дурсгалууд – I (Баян-Өлгий аймаг). Улаанбаатар, 2009.

АНТРОПОМОРФНЫЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ У ГОРЫ ХОТЫН-ХОЙТ-УЛАН

(к археологической карте Ховдского аймака)

Ю.И. Ожередов

Томский государственный университет, Томск, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (проект №10-01-00620а/Г «Многообразие и единство кочевых культур Западной Монголии»).

В ходе обследования левого берега Буянта у северо-восточной части подножия горы Хотын-Хойт-Улан международной экспедицией Томского и Ховдского университетов в 2008 г. была выявлена большая серия археологических памятников, среди которых выделяются два каменных изваяния: олений камень и древнетюркская круглая скульптура.

Олений камень (рис. 1.-1). Находится в окружении бессистемно набросанных камней, на стыке двух примыкающих друг к другу каменных оградок. (N48° 04' 53"; E91° 40' 38" h 1347 m). Вполне очевидно, что здесь располагаются остатки потревоженного поминальника с двойной оградой из красногранитных камней, установленных на ребро. Размеры большей ограды ориентировочно 118x109 см, меньшей – в пределах 50x50 см. В 30 м к западу располагается каменная насыпь диаметром 10 м, при высоте примерно 0,6 м.

Слегка расширяющийся вниз олений камень со скошенной вершиной изготовлен из плиты светло-серой породы и установлен на южной границе поминальника лицевой стороной на юг-юго-запад. Высота камня над поверхностью 130 см, ширина у вершины 35 см, в поясе – 49, у основания – 50 см. В сечении плита имеет форму трапеции, поэтому толщина изваяния варьируется: сверху лицевая сторона – 23, тыльная – 17 см; внизу – соответственно 23 и 12 см.

На трех плоскостях нанесены изображения, характеризующие изваяние в качестве оленного камня общевразийского типа. Под вершиной в круговую пробита контррельефная полоса, символизирующая диадему шириной 4 см, при глубине 1 см. На лицевой стороне сверху нанесены справа налево три косые линии длиной 9 см, шириной 2 см каждая. На боковых плоскостях под диадемой выбито по кольцу-серьге диаметром 10 см. В средней части фигуры в круговую пробит пояс шириной 2,5 см, при глубине выбивки в 1 см. На лицевой плоскости от пояса вниз влево «подвешен» кинжал или меч-акинак длиной 15 см, шириной 2 см (перекрестье 6см). На правой плоскости чуть ниже пояса изображен чекан длиной 15 см, шириной 7 см, насаженный на длинную рукоятку-топорище. На пояском ремне слева изображен горит с луком общей длиной 21 см. Корпус горита сужается вниз от 4 до 3 см, но у донца вновь происходит заметное расширение. Видимая часть лука 7 см при ширине 3 см.

Древнетюркское изваяние (рис. 1.-2, 3). Находится в составе трехкамерной ограды поминальника, общей длиной более 7 м, при ширине до 3 м (N48° 06' 11"; E91° 40' 34" h 1330 m). Поминальник ориентирован по сторонам света, долевые его стены протянулись по линии С–Ю. Северная камера

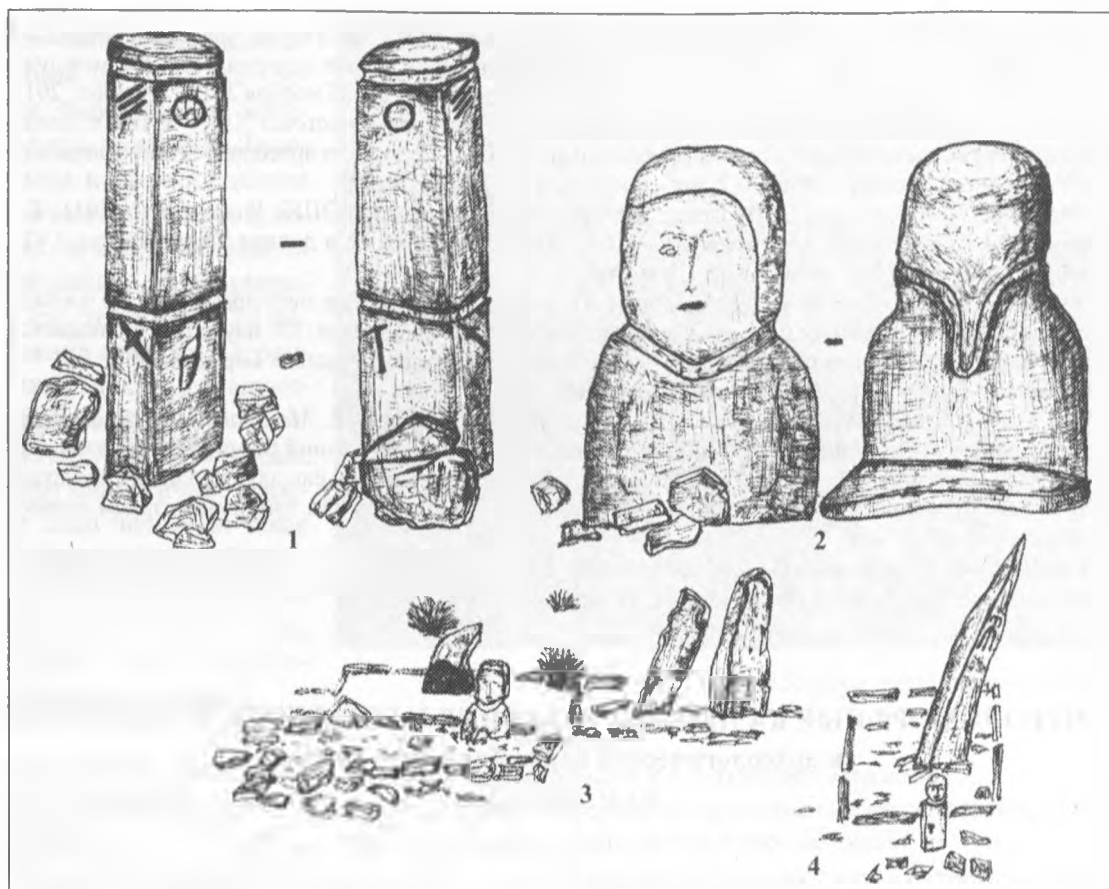

Рис. 1. 1 – «Олений» камень у горы Хотын-Хойт-Улан; 2 – тюркское изваяние у горы Хотын-Хойт-Улан; 3 – общий вид поминальника у горы Хотын-Хойт-Улан; 4 – поминальник на р. Хавшлин

4х3 м, средняя 3х3 м, южная прослеживается по остаткам стен примерно в габаритах 1,5х1 м. В северной камере по центру установлено две стелы из плит, подвергнутых грубой обработке. В результате одна из них приобрела вид оленего камня со скошенным верхом, вторая – ростовой фигуры, стилизованной под антропоморфную форму. В средней оградке на поверхности лежит стела, аналогичная первой из тех, что стоят в северной оградке (со скошенной вершиной).

С внешней стороны у восточной стенки средней оградки установлена древнетюркская круглая скульптура из светло-серой породы, обращенная лицом на восток. Состояние ее поверхности не достаточно хорошее для полномасштабного описания индивидуальных черт, поэтому дается лишь общая характеристика визуально фиксируемых элементов*.

Высота скульптуры 57 см над современной поверхностью. Ширина в плечах и у основания соответственно 40 и 41 см, при толщине плиты 14 см. Голова заметно выделена из очертаний плиты собственными габаритами, покатыми неширокими плечами и контррельефной полосой спереди и по бокам. Высота от уровня плеч – 36 см, ширина – 30 см. Лицевая часть сильно заглажена, поэтому прослежены лишь отдельные штрихи портрета. Вышеуказанная полоса очерчивает контур нижней части подбородка, с мысовидным выступом вниз, вероятно, символизирующим небольшую бородку. Линия выбивки уходит ниже подбородка, создавая контур верхней кромки плечевой одежды.

Помимо общего контура на лице сохранились резная линия рта и барельефный обрез прически на лбу и висках. С левой стороны сбоку видны косые гравированные штрихи, видимо, показывающие волосы, стянутые назад. Детально форма прически видна с тыльной стороне головы. Здесь на протяжении 25 см, сверху вниз, волосы изображены во всю ширину головы, затем их контур резко сужается до мысовидного «языка» длиной 21 см. По аналогии с известными из литературы образцами прическу сзади завершает коса, возможно, в наконечнике (Евтюхова, 1952. С. 104–105. Рис. 62).

Любопытным вариантом распирения сакральной зоны поминальника стала дополнительная линия камней, выложенных дугой вдоль восточной стены средней камеры. Именно в контуре этой дуги

* К моменту находки данного изваяния запас микалента был исчерпан, поэтому не удалось сделать копию, способную выделить слабозаметные детали лица.

располагается древнетюркская скульптура. Контур выложен из мелких и средних (до 30 см) бесформенных обломков серой и красной породы. Не исключено, что это более позднее сооружение, нежели оградки и изваяния. К сожалению, до сих пор не закрыт вопрос культурной и хронологической принадлежности каменных оградок с необработанными или грубо обработанными изваяниями внутри.

Дополнительной почвой для размышления по этому вопросу стали поминальники, в оградах которых установлены каменные плиты или блоки без антропоморфной символики, а с внешней стороны ограды – древнетюркские скульптуры. Помимо памятника, о котором сейчас идет речь, в 2008 г. нами был зафиксирован конструктивно схожий поминальник (рис. 1.-4) на р. Хавцлин, левом притоке Хонго (Ожередов, Мунхбаяр, Ожередова, 2009. С. 143. Рис. 6), а алтайскими исследователями стационарно изучены поминальники Бугатыр узуур-I и II на р. Буянт. Последними высказано предположение, что такие комплексы соотносимы с алтайскими сооружениями, оснащенными деревянным столбом в центре ограды. Столб разрушался при «закрытии» поминальника (Горбунов, Тишкин, Шелепова, 2008. С. 102), видимо, подобно тому, как разрушались каменные стелы в монгольских оградах. Следует, правда, добавить, что чаще они стоят и много меньше поваленных, а тем более сломанных. Переломить в основании каменный блок, достигающий иной раз толщины в полметра, задача явно не простая.

В контексте современных знаний однозначная трактовка данного типа памятника не проявляется. Пока можно говорить о двух вариантах, в определенной мере удовлетворяющих стремление к решению проблемы. Во-первых, причисление безликих изваяний к древнетюркской традиции, а во-вторых, вторичное использования древних памятников, что было одним из обычных для тюрков приемов устройства своих жертвенных мест. В последнем случае предполагается, что тюрки знали назначение этих изваяний и, таким образом, не изменяли их сакральный профиль. Так, например, происходило с перебивкой изображений на оленных камнях, о чем в свое время писала М.А. Дэвлет (2004. С. 23). В свое время на р. Цалуу, в Монгольском Алтае, мною обследовалось изображение древнетюркского воина, набитое на широкую плоскость оленного изваяния. Сквозь контуры тюркского рисунка повсеместно «просвечивались» детали прежнего «оленного», подобно тому, как остатки старого чекана видны на перечеканенной монете. При этом на оборотной плоскости, не затронутой тюркским мастером, сохранились родные изображения летящих оленей, буквально проявившиеся на микалентной копии (Ожередов, 2003. С. 147–151. Рис. 2).

Одновременно с этим в полевой практике известны случаи, когда оленные камни попадали в тюркские поминальные ограды в качестве антропоморфных символов. И трудно усомниться в том, что строители новых жертвенников не знали их прежнего символического значения. Так, например, в сомоне Муст Ховдском аймаке, в 10 км от известнейшего комплекса Баян-Зурх, на р. Бодонч имеется менее известный комплекс Хужирт. И если первый знаменит своими многочисленными оленными камнями, то второй можно выделить как место вторичного использования оленных камней. В самом крупном на этой территории древнетюркском поминальнике установлено четыре изваяния, три из которых являются оленными камнями евразийского типа, а четвертый – коническим балбалом. От трех изваяний отходят цепочки камней, символизирующих убитых врагов. На одном из балбалов в крайней цепочке по сторонам выбиты типичные оленные кольца-серьги. В этом комплексе старое и новое синкретическое переплелись и явно не без понимания изначального значения ранних изваяний.

Вопрос о времени происхождения и культурной привязке стел-плит и стел-столбов, как пытаются их разделить алтайские исследователи, весьма актуален, но до сих пор не решен. Д.Г. Савинов (1994. С. 138) на этот счет высказал мнение, согласно которому непосредственными предшественниками оленных камней могли быть «... в первую очередь, вертикально установленные стелы, крупные камни и т.д.». В границы данного достаточно собирательного высказывания, безусловно, попадают стелы-плиты, которые размещаются в хронологическом пространстве, предшествующем периоду появления оленных камней. Серьезным аргументом в сторону сближения многих изваяний-плит с оленными камнями является их косо срезанная вершина, характерная для общевразийского типа, последнего в ряду классификации и в хронологическом ряду. Учитывая мнение Д.Г. Савинова о том, что все оленные камни установлены в I тыс. до н.э., следует предположить, что плиты со скошенными вершинами являются либо перед оленными камнями последнего типа, либо сразу после них, пока еще жива традиция данной формы. В таком случае они, возможно, явились овеществленным в поминальной обрядности следом затухания и деградации скифского мира. К этому следует добавить мнение В.Д. Кубарева и П.И. Шульги, посчитавших объекты из комплекса Аргыл (Русский Алтай), внешне сходные с монгольскими, комплексами скифского времени (2007. С. 54–54, 193–195. Рис. 53, 54.-1, 55.-1–3).

Более радикальная по данному вопросу позиция основана на результатах раскопок комплексов Бугатын узуур-I и II в Западной Монголии. Авторы исследований полагают, что оградки со стелами-столбами

оставлены представителями древнетюркской культуры (Горбунов, Тишкин, Шелепова, 2008. С. 102). Действительно на ряде бесформенных стел встречаются гравированные или выбитые знаки – тамги, многие из которых имеют аналоги в древнетюркской среде. Хочется заметить, что меченые тамгами стелы в Западной Монголии не редкость, но и не правило, распространяющееся на все комплексы без исключения. Из опубликованных могу назвать лишь два, которые привлекли внимание совсем по другой причине: тамбуриновидный знак на узком столбе из поминального комплекса близ сомонного центра Умне Говь в Убсугульском аймаке (Ожередов, Ожередова, 2007. С. 19. Рис. 2.-1), а также знак, напоминающий двуглавую птицу с опущенными крыльями на коническом столбе в центре огады выше упомянутого поминальника на р. Хавцлин (рис. 1.-4). Вместе с тем нет гарантии хронологического равенства между знаками и самими стелами. Причина выборочного появления таких знаков на стелах еще не ясна.

Возвращаясь к попытке провести аналоговую линию между монгольскими сложными комплексами, имеющими в составе столб и изваяние с горно-алтайскими образцами, замечу, что поминальник под горой Хотын-Хойт-Улан, помимо круглой скульптуры, имеет поваленную плиту, некогда стоявшую в центре огады за спиной круглой скульптуры. Ее наличие оставляет весьма узкий выбор в поставленном вопросе: либо эта плита не подтверждает верность методики разделения стел в огадах на столбы и плиты, в качестве разносмысловых, либо опровергает идею сходства монгольских и алтайских памятников по признаку установки столба внутри огады жертвенника.

По мере открытия новых памятников появляется масса сведений, которые не всегда укладываются в схемы, создаваемые сегодня по материалу наличному. Поэтому на деле далес разновекторных гипотез продвижения еще нет. Видимо, ощущается недостаток серьезных полевых и аналитических усилий со стороны всех участников исследовательского корпуса. В силу разных причин многочисленные поминальные огадки-жертвенники до сих пор системно не изучаются. Их раскопки проводятся редко, источниковая база не пополняется фактами существенно важными для решения проблемы, а анализ статистически низкого показателя источников не приводит к кардинальным переменам. Таким образом, решение данного вопроса остается открытым и ожидает новых исследований.

Библиографический список

Дэвет М.А. Об изображениях серег на оленных камнях и реальном прототипе из раскопок в Тодже // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. 1952.

Ожередов Ю.И. Комбинированное изваяние с р. Цалуу в Западной Монголии // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003.

Ожередов Ю.И. Предварительные исследования монументальной скульптуры в сомоне Умнэ-Говь Убсунурского аймака Западной Монголии // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007.

Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч., Ожередова А.Ю. Новые находки археологических памятников в северных сомонах Ховдского аймака Западной Монголии // Туухийн товчоон. Ховд их сургууль, нийгэм, хумуунлэгийн ухааны сургууль туухийн тэхим. Улаанбаатар, 2009. Т. IV, f. 24.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.

КАМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ XVIII–XX вв.

Ю.Б. Полидович, А.Н. Усачук

Областной краеведческий музей, Донецк, Украина

Одним из ярких проявлений культуры средневековых кочевников являются каменные изваяния – изображения людей, ставившихся с древности до XIII–XIV вв. на возвышенностях и, прежде всего, на курганах от Северного Причерноморья до Нижнего Поволжья и дальше на восток. С проникновением в Степь мировых религий каменные статуи перестали быть фактом живой культуры.

С XVIII в. начинается массовое заселение Степи славянским населением. Поселенцы осваивают новую географическую среду и новые экологические реалии, приспособливают к ним свою культуру, традиции и фольклор. Каменные изваяния, стоявшие на курганах, неизбежно попадали в сферу интересов новых поселенцев. Столь своеобразные изделия прошлой эпохи обратили на себя внимание, заставили о себе говорить. Вокруг этих изваяний сложился свой комплекс представлений, к ним выра-